

Научная статья
УДК 378 (470)
doi:10.37614/2949-1185.2024.3.4.009

ПОДГОТОВКА УЧИТЕЛЕЙ НАЧАЛЬНЫХ УЧИЛИЩ И ПРОЕКТ УЧИТЕЛЬСКОГО ИНСТИТУТА ПРИ САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ (1816–1822)

Иван Сергеевич Пустовойт

Институт истории Санкт-Петербургского государственного университета, Санкт-Петербург, Россия, botanpustovoi@gmail.com

Аннотация

Дефицит преподавателей для образовательных заведений всех уровней был одним из главных препятствий на пути реализации реформ в сфере просвещения в царствование Александра I. Для решения этой проблемы правительство было вынуждено постоянно обращаться к европейским образовательным практикам, где к тому времени использовались различные методики обучения. После череды неудачных попыток решить проблему подготовки учителей правительство в середине 1810-х годов обратило внимание на популярный в Европе ланкастерский метод, который давал возможность распространять в России грамотность с минимальными затратами. С целью освоения передовых методов обучения в 1816 году попечителем Санкт-Петербургского учебного округа С. С. Уваровым четверо воспитанников Педагогического института были направлены в Англию. При этом Уваров, желая закрепить в России ланкастерский метод и организовать процесс подготовки преподавателей начальных училищ, предложил проект создания специального учреждения педагогического профиля — «второго разряда» Главного педагогического института. «Второй разряд» должен был стать центром подготовки учителей для уездных училищ и гимназий, которые могли бы использовать метод взаимного обучения Джозефа Ланкастера и опыт И. Г. Песталоцци. Однако, на фоне усиления реакции в сфере просвещения проект «второго разряда» не получил должной поддержки в руководстве Министерства народного просвещения. Из-за продления времени пребывания студентов Педагогического института за границей, финансовых проблем, критики проекта Уварова оппонентами в министерстве предполагаемый «второй разряд» был открыт только в начале 1820 года под названием Учительского института при Санкт-Петербургском университете. Учительский институт просуществовал чуть более двух лет и был закрыт новым попечителем столичного учебного округа Д. П. Руничем в 1822 году. Главной причиной его ликвидации представлялась опасность распространения «сомнительных» идей в условиях европейских революций и активности «тайных обществ» в России.

Ключевые слова:

попечитель, народное образование, подготовка учителей, ланкастерские школы, история Санкт-Петербургского университета, С. С. Уваров

Для цитирования:

Пустовойт И. С. Подготовка учителей начальных училищ и проект Учительского института при Санкт-Петербургском университете (1816–1822) // Труды Кольского научного центра РАН. Серия: Естественные и гуманитарные науки. 2024. Т. 3, № 4. С. 92–104. doi:10.37614/2949-1185.2024.3.4.009.

Original article

TRAINING OF PRIMARY SCHOOL TEACHERS AND THE PROJECT OF THE TEACHERS' INSTITUTE AT ST.-PETERSBURG UNIVERSITY (1816–1822)

Ivan S. Pustovoi

Institute of History of St. Petersburg State University, Saint-Petersburg, Russia, botanpustovoi@gmail.com

Abstract

The shortage of teachers for educational institutions of all levels was one of the main obstacles to the implementation of reforms in the field of education in the Alexander I reign. To solve this problem, the government was forced to constantly turn to European educational practices, where by that time various teaching methods were used. After a series of unsuccessful attempts to solve the problem of teacher training, the government in the mid-1810-es drew attention to the Lancastrian method, popular in Europe, which made it possible to spread literacy in Russia with minimal costs. In order to master advanced teaching methods, in 1816, the curator of the St.-Petersburg educational district, S. S. Uvarov, sent four pupils of the Pedagogical Institute to England. At the same time, Uvarov, wishing to consolidate the Lancaster method in Russia and organize the process of training primary school teachers, proposed a project to create a special pedagogical institution — the "second category" of the Main Pedagogical Institute. The "second category" was to become a teacher training center for county schools and gymnasiums that could use the mutual learning method of Joseph Lancaster and the experience of I. G. Pestalozzi. However, against the background of increased reaction in the field of education, the project of the "second category" did not receive proper support in the leadership of the Ministry of public education. Due

to the extension of the stay of students of the Pedagogical Institute abroad, financial problems, criticism of the Uvarov project by opponents in the ministry, the alleged "second category" was opened only at the beginning of 1820 under the name of the Teachers' institute at St.-Petersburg university. The Teachers' Institute existed for a little more than two years and was closed by the new curator of the metropolitan school district, D. P. Runich, in 1822. The main reason for its liquidation was the danger of spreading "dubious" ideas in the conditions of European revolutions and the activity of "secret societies" in Russia.

Keywords:

curator, public education, teacher training, Lancaster schools, history of St.-Petersburg university, S. S. Uvarov

For citation:

Pustovoyt I. S. Training of primary school teachers and the project of the Teachers' Institute at St.-Petersburg University (1816–1822) // Transactions of the Kola Science Centre of RAS. Series: Natural Sciences and Humanities. 2024. Vol. 3, No. 4. P. 92–104. doi:10.37614/2949-1185.2024.3.4.009.

Введение

Предпринятая в первое десятилетие царствования Александра I образовательная реформа предполагала формирование профессорско-преподавательских кадров «из природных россиян» на смену приезжим иностранцам. Однако подготовить необходимое число специалистов-предметников, не прибегая к европейским образовательным практикам, было невозможно. Способом решения проблемы дефицита преподавателей высшей школы были так называемые «академические путешествия», когда лучшие выпускники российских университетов отправлялись в «чужие края» для усовершенствования себя в науках, чтобы по возвращении занять вакантные профессорские места в недавно открытых университетах и, в том числе, готовить в них учителей для гимназий и училищ. В этом смысле показательна отправка в 1808 году на три года за границу двенадцать студентов Педагогического института (далее — ПИ), большинство из которых впоследствии стали профессорами в институте, а после его преобразования в Санкт-Петербургском университете [1: 59–81].

Следующая образовательная поездка четырех студентов столичного ПИ, нацеленная на изучение популярной тогда в Европе методики взаимного обучения Джозефа Ланкастера, произошла в 1816–1819 году. Аспекты этого «академического путешествия» и его результаты были так или иначе упомянуты в работах Т. Н. Жуковской и Н. М. Аничкова [1: 81–95; 2: 1–17]. Вместе с тем, участие С. С. Уварова, который в тот период был попечителем Санкт-Петербургского учебного округа, в планировании и организации этой заграничной стажировки и его практические шаги по внедрению методики взаимного обучения в России остаются в тени для исследователей и не подвергнуты глубокому анализу.

Наша статья ставит целью оценить роль Уварова в утверждении ланкастерского метода в России. Обнаруженные и вводимые в научный оборот источники показывают, что Уваров не только выступил организатором и куратором командировки студентов столичного ПИ в 1816–1819 годах, но также в ходе поездки воспитанников в Европу подготовил проект создания специального учреждения педагогического профиля — «второго разряда» Главного педагогического института (далее — ГПИ). Обучение в этом учреждении должно было происходить с применением методики взаимного обучения. В ходе исследования нами привлечены документы и материалы из Российского государственного исторического архива (РГИА), Рукописного отдела Института русской литературы (Пушкинский дом) (РО ИРЛИ РАН), Центрального государственного исторического архива (ЦГИА СПб). Они позволяют детально проследить ход образовательной поездки студентов в Европу в 1816–1819 годах, охарактеризовать последовательность и эффективность инициированных Уваровым мер по организации преподавания на основе ланкастерского метода и, наконец, установить причины и логику блокирования предложений столичного попечителя со стороны его тогдашних идеологических оппонентов в министерстве народного просвещения.

Несовершенство образовательной системы в России и «академическое путешествие» студентов ПИ в 1816–1819 годах

Начало царствования Александра I, «преисполненного мечтаний и благих намерений» [3: 228], ознаменовалось широкомасштабными реформами системы образования, которые были основаны на идеях эпохи Просвещения и учитывали европейский опыт управления этой сферой. В стремлении

заложить основы «народного просвещения» реформаторами Негласного комитета при участии Ф. Ц. Лагарпа [4: 14–15] посредством принятых в 1803–1804 годах учредительных документов — «Предварительных правил народного просвещения» (1803), университетских уставов и «Устава учебных заведений, подведомых университетам» (1804) — была создана стройная система тесно связанных между собой и общедоступных учебных заведений. Впервые в России учреждалась иерархическая вертикаль из образовательных учреждений: училищ приходских, уездных, губернских гимназий и университетов. Учебные планы всех заведений должны были быть выстроены так, чтобы предыдущая ступень образования служила подготовительной для следующей, то есть приходское училище готовило слушателей для уездного, уездное училище — к обучению в гимназии, а гимназия — к университету. При этом в университете, как вершине этой цепочки, должны были «преподаваться науки во всем пространстве, нужные для всех званий и разных родов государственной службы»¹. Тем самым система просвещения в России, наконец, становилась всеобъемлющей, охватывавшей все слои населения, что предполагало подъем общего культурного уровня.

Но идеи реформаторов начала александровского царствования столкнулись с экономическими и социальными проблемами сословного общества. Важнейшим препятствием на пути реализации образовательных реформ была нехватка кадров учителей и преподавателей. В Российской империи в начале XIX века попросту не было нужного числа специалистов по тому широкому спектру дисциплин, которые должны были преподаваться в учебных заведениях. Даже в уездных училищах и гимназиях список изучаемых предметов был очень широк, охватывал несколько языков, древних и новых, историю, географию, статистику, мифологию, чистую и прикладную математику, опытную физику, технологию, рисование, философию, чистописание, правописание, арифметику, начальные правила геометрии и т. д.² Естественно, все это требовало значительного числа учителей-предметников. В результате, низшие и средние учебные заведения постоянно испытывали кадровый дефицит, и то и дело закрывались. Где-то делались «рокировки», когда несколько предметов преподавал один и тот же человек, в других училищах некоторые дисциплины просто не читались годами за неимением преподавателя [5: 105–126].

Правительство пыталось решить эту проблему. Сначала предусматривалось создать при университетах так называемые Педагогические институты, которые бы занимались целенаправленно лишь подготовкой учителей для гимназий и «народных училищ». И, действительно, какой-то эффект от такой меры был. К примеру, созданный в 1804 году Санкт-петербургский ПИ отлично справлялся с миссией «рассадника» учителей, сумев за первые несколько лет своего существования подготовить около 330 преподавателей [6: 9]. Они в первой половине XIX века сформировали ядро учительских кадров нескольких губерний. Но к этой высокой планке не смогло приблизиться никакое другое образовательное учреждение той эпохи [4: 67].

Следовательно, для решения широкомасштабных образовательных задач эти меры были недостаточны, поэтому в середине 1810-х годов было решено вновь обратиться к европейским практикам. Руководство Министерства народного просвещения заинтересовали популярные тогда в Европе идеи взаимного обучения и метод Белла – Ланкастера, которые были применимы для обучения не только детей, но и взрослых. Сущность этого метода сводилась к тому, что более знающие и старшие воспитанники обучали учеников младшего возраста. Эта система была разработана в 1791 году в Великобритании, ее создателями стали независимо друг от друга доктор Эндрю Белл и Джозеф Ланкастер. Идея быстрого и дешевого обучения при минимальном участии педагогов понравилась Александру I, посетившему Англию в 1814 году. В Министерстве народного просвещения расценили, что ланкастерский метод может стать удобным и малозатратным способом распространить в России грамотность.

Причина популярности ланкастерского метода была проста — для той поры он был одним из наиболее передовых и обладал существенными преимуществами. Как замечает Е. А. Калинина, особенное значение ланкастерскому методу придавало то, что с его помощью один педагог в начальной школе мог обучать одновременно от 200 до 1000 учащихся чтению, письму, счету и другим предметам. Учитель заранее выбирал из учеников небольшую группу наиболее способных (так называемых мониторов), которых подготавливал к тому, чтобы они в будущем вели занятия у менее способных, таким образом освобождая педагога от лишней рутины и распространяя обучение как бы «вширь».

Учитель же, оставаясь на возвышении (подиуме), надзирал за порядком в классе, который был просторным, чтобы вмещать как можно больше учеников. Задачей учителя было дать задание каждому ученику, заинтересовать его, поэтому все ученики имели особые задания: кто-то стоял у доски, кто-то читал группами в полукругах, кто-то записывал под диктовку, и от этого «в классе стоял шум, похожий на жужжание пчел в улье». Вдобавок в таких школах существовала и специальная система поощрений и наказаний, что повышало мотивацию учеников. В итоге, учение шло быстро, занятия сменялись каждые полчаса, так что учащиеся могли пройти 12 классов за 6 месяцев. Те, кто научился хорошо читать и писать, выучил несколько молитв, прошел все четыре действия арифметики, учили других [7: 413–417]. Историк образования А. С. Воронов писал, что благодаря ланкастерскому методу дети «выучиваются скорее, нежели обыкновенным путем, менее утомляются и привыкают к внимательности, порядку и послушанию, кроме того, при этой методе все учатся»³.

Исходя из выгод этого метода, на высшем государственном уровне было принято решение вернуться к практике «академических путешествий». Но теперь цель подготовки педагогов за границей заключалась в приобретении ими практического опыта в постановке массового начального образования, а также в освоении ланкастерского метода. Начало «академического путешествия» было положено 9 июня 1816 года, когда министр просвещения А. К. Разумовский, исполняя волю императора Александра I, сделал распоряжение попечителю Уварову, чтобы им «из студентов здешнего Педагогического института избраны были четыре или пять человек к отправлению с отходящим ныне фрегатом в Англию для изучения метода Ланкастера». Выполняя задание министра, Уваров 11 июня 1816 года сообщал, что для заграничной командировки он отобрал четверых студентов ПИ. Это были «Матвей Тимаев, сын землемера губернского секретаря Тимаева, Фёдор Буссе, сын члена Санкт-Петербургской протестантской консистории пастора Буссе, Карл Свенске, сын доктора коллежского советника Свенске, и Александр Ободовский, сын надворного советника Ободовского»⁴. Эти студенты покинули Петербург 30 июля 1816 года и сначала отправились в Кронштадт к «тамошнему главному командиру порта», чтобы оттуда отплыть напрямик в Англию «на назначенном для доставления их туда транспортном судне»⁵.

Как и во время командировки 1808–1811 годов студентов института, отъезжающим была дана «инструкция от попечителя» с «начертанием общих правил» и определением цели путешествия [1: 82–83]. «Инструкция», составленная Уваровым для воспитанников, получилась довольно обширной и определяла несколько целей обучающей поездки. Конечно, главной задачей для студентов было «приобретение всех нужных теоретических и практических сведений по части новой системы, изобретенной Ланкастером и Беллем для народных училищ». Попечитель заострял внимание на том, что освоение этой «методы» должно быть не наглядным и поверхностным, а глубоким и основательным. «Сие приобретение, — писал воспитанникам Уваров, — должно быть теоретическое, дабы вы, вникнув в дух сей системы и не довольствуясь одними наружными формами, могли при возвращении вашем в Россию применить сии познания к надобностям народного образования в нашем Отечестве и показать на самом деле, что вы странствовали с пользой и с осмотрительностью. Но сие приобретение должно быть также и практическое, дабы вы могли увериться в логической связи всех частей сей системы». Для достижения поставленных целей Уваров предлагал студентам читать «со тщанием» все лучшие сочинения по части «нормальных училищ», а также «со всевозможным старанием» примечать порядок в училищах, учрежденных по методе Ланкастера и Белля⁶.

Обучающая поездка студентов в Англию, а затем в Швейцарию и Францию под руководством секретаря русского посольства И. О. Штрاندмана продолжалась более двух лет. В ходе нее студенты познакомились с несколькими английскими школами, где производилось обучение по методике Белла–Ланкастера. Российским студентам понравилась эта методика, и они даже начали полагать, что ей суждено побороть массовое невежество в мире. «Возможность повсеместного распространения благотворительных действий [ланкастерской] методы в будущих поколениях, — писали студенты в путевых заметках, — обещает счастье народов, осужденных доселе на вечное невежество»⁷. Особую привлекательность ланкастерскому методу придавал игровой характер обучения, постоянные поощрения для учеников, способность сделать процесс обучения интересным, захватывая внимание

детей. Русские студенты так описывали обстановку в школе Ланкастера: «Дети на платформе представляли драматические сцены, декламировали разные стихотворения с такой искусностью и чувствами, каких не можно ожидать от детей десяти и двенадцати лет. Книжки, ленты, звёзды, медали составляют награду учеников. Рукоплескания посетителей сопровождали каждого отличившегося ученика. Здесь можно было приметить во всей мере, как таковые одобрения действуют на детей»⁸.

Проект «второго разряда» ГПИ

За ходом поездки студентов внимательно следили в России, а их куратор И. А. Штрэндман регулярно высылал рапорты и сообщения об их занятиях не только на имя Уварова, но также статс-секретарю по иностранным делам И. А. Каподистрии. Один из таких рапортов Штрэндмана от 27 декабря 1816 года сообщал, что студенты, находясь в Англии «едва три месяца, в состоянии уже обучать детей англичан отечественному их языку и по такой методе, которая до приезда их туда была им самим совершенно неизвестна»⁹. Если И. А. Каподистрия воспринял слова Штрэндмана как шанс при помощи ланкастерского метода решить давнишнюю проблему кадрового дефицита в сфере просвещения, то столичный попечитель Уваров в отношении ланкастерского метода был более осторожен и призывал не торопиться с выводами. 31 марта 1817 года он подготовил для министра духовных дел и народного просвещения А. Н. Голицына большой доклад, в котором сделал несколько замечаний насчет продолжавшейся поездки своих подопечных.

Не сомневаясь в верности слов Каподистрии о том, что «уже теперь можно ожидать выгод от сего опыта в Ланкастеровой методе», Уваров осторожно замечал: «...Я не могу разуместь под сими выражениями приложения ланкастеровой методы к нашим народным училищам — приложения, которое теперь не только было бы преждевременно, но даже, по моему мнению, совершенно противно желаемой цели. Ибо Ланкастеровой метода при всех своих неоспоримых выгодах имеет, как и все лучшие методы воспитания и всякое законодательство вообще, характер национальный, т. е. характер, приуроченный к положению и требованиям той земли, в которой она взяла своё начало». В результате, Уваров призывал не просто слепо копировать зарубежный опыт, но сначала осторожно адаптировать его к содержанию и условиям народного образования в своем отечестве и, «отбросив то, что нам или бесполезно, или вредно, дать сей методе направление, согласное с духом нашего народа и с положением вещей в России»¹⁰.

По мнению Уварова, следовало, во-первых, сначала дожидаться возвращения в Россию отправленных воспитанников Педагогического института, которые, как он выразился, «нам покажут не в мечтательных теориях, а на самом деле преимущество и отличие Ланкастеровой методы». Во-вторых, если уж не требовать от воспитанников скорого возвращения в Россию, то необходимо тогда дать им возможность сравнить разные методики обучения в Европе, чтобы понять, какая из них наиболее выгодна и удачна. С этой целью Уваров высказал идею за продолжение образовательного путешествия студентов по народным училищам Франции, Швейцарии и Германии, чтобы те, «сообразив все сии предметы», привезли с собой «не слепое предубеждение в пользу одной методы, но рассудительное и опытное знание всех методов в многообразных их отношениях к духу народному, к вероисповеданию, к степени образования, к образу правления и так далее»¹¹.

Уваров, будучи сторонником идеи подготовки отечественной профессуры «из природных россиян»¹², смотрел на поездку студентов и на ланкастерский метод вполне прагматично. Он понимал, что без создания эффективного центра для подготовки учителей в самой России правительственные меры в этом направлении будут бесполезны. Если раньше неким центром подготовки учителей был столичный ПИ, то после его преобразования в Главный педагогический институт 23 декабря 1816 года¹³ цель этого учреждения кардинально изменилась. Из заведения чисто педагогического профиля ГПИ превратился в учреждение, по своим целям и задачам подобное университету. Имея 21 кафедру, большой штат профессоров и общественное влияние, ГПИ давал качественное образование для тех, кто искал государственной службы в высших эшелонах власти, то есть бюрократов. На это был нацелен и открытый в ГПИ «внешний» курс, то есть публичные лекции для чиновников, «государственной службой обязанных» [8: 19]. Соответственно, ГПИ готовил профессоров

для университета и учителей для гимназий, в то время как немногие его воспитанники (не окончившие полного курса) выпускались учителями уездных училищ. Тем не менее нужнее всего были именно учителя начальных училищ, причем в массовом масштабе.

Понимая это, Уваров настаивал на учреждении при ГПИ «второго разряда», который, в отличие от самого института, занимался бы именно подготовкой народных учителей, то есть младших учителей для уездных и приходских училищ. Он рассматривал это как важный шаг на пути к совершенствованию учебного плана гимназий и количественному росту уездных училищ. Это подразделение создавалось Уваровым в прямой связи с миссией отправленных в Европу студентов, так как именно они должны были стать во «втором разряде» ГПИ наставниками юношей, готовящихся в свою очередь стать учителями начальных училищ. В докладе Голицыну от 31 марта 1817 года Уваров писал, что наблюдения студентов, посланных за границу, были бы «тщетны» и недостаточны, если бы министерство не успело прежде их возвращения «положить основания центру, к которому могло бы относиться всё, что касается до преобразования народных училищ, и из которого вместе мог бы постепенно исходить предуготовительный род людей, распространяющих благотворное влияние новых методов на благоустройство народных училищ»¹⁴. Историк образования Н. М. Аничков справедливо отметил, что мысль открытия «второго разряда» ГПИ принадлежала именно Уварову [2: 8–9].

Фактически Уваров предлагал основать специальное учреждение, которое бы занималось подготовкой учителей для народных и уездных училищ. Им должен был стать «нижний» или «второй» разряд ГПИ, проект которого Уваровым был уже подготовлен и 4 апреля 1817 года представлен экспертному органу МНП Главному правлению училищ (далее — ГПУ). Уваров был уверен в пользе этого проекта, замечая в сопроводительном письме министру, что «заведение сего так называемого второго разряда не только соответствует положению министерства просвещения, но должно быть даже твердейшим основанием всех будущих мер относительно до необходимого, но между тем весьма затруднительного преобразования народных училищ в России»¹⁵. О том, насколько сильно Уварова заботила мысль об образовании профессиональных учителей для уездных и приходских училищ, видно из того, что он поначалу на некоторое время желал принять «второй разряд» ГПИ под свой непосредственный контроль. С этой целью Уваров писал ГПУ: «Новость и важность сего опыта, неопределимость методы, необходимость действовать сильно и верно принуждают меня предложить Главному правлению поручить на некоторое время сие возникающее заведение в моё непосредственное управление; когда оно возьмёт свой предначертанный ход, и будет приближаться к желаемому устройству, тогда легко будет присоединить сей второй разряд к своему естественному центру, и тогда при некоторых малейших переменах в образе управления, второй разряд войдёт в состав Главного Педагогического института»¹⁶.

Сам проект «второго разряда» ГПИ, приложенный Уваровым к докладу, был небольшим и состоял из 21 параграфа. Предполагалось на первое время принять во «второй разряд» 30 воспитанников, которые избирались «между детьми учителей народных училищ, обучавшихся в уездных училищах». Иными словами, это были юноши, во-первых, уже имевшие подготовку в объеме программы начальной школы, во-вторых, готовые продолжить дело своих отцов, в-третьих, мотивированные возможностью продолжения образования, а значит, социального роста. Но при этом, представляя беднейшие слои, они имели мало шансов продолжить свое образование в гимназиях и университетах. Вступительным испытанием во «второй разряд», согласно § 3 проекта, была проверка знаний в Законе Божьем, чтении и правописании, а также в первых четырех правилах арифметики. § 4 проекта устанавливал возрастной ценз, предполагая, что во «второй разряд» могли поступать воспитанники 12–14 лет. Курс учения, продолжавшийся четыре года, включал в себя те дисциплины, которые преподавались в приходских и уездных училищах: закон Божий, русский язык, математику, начала физики, историю и географию, чистописание и рисование¹⁷. Выпускники «второго разряда» должны были направляться помощниками учителей народных училищ, предполагалось, что лучшие из них могли поступать в «высший разряд» ГПИ или другое высшее учебное заведение.

Проект «второго разряда» Уваровым был тщательно продуман в деталях и соответствовал духу реформ 1803–1804 годов, поскольку предполагал именно кадровое укрепление системы училищ,

ее низших звеньев. Можно согласиться с мнением Ц. Виттекер, что, представляя этот проект, Уваров был движим идеей «демократической лестницы», то есть распространения просвещения на низшие сословия и превращения его в социальный лифт» [9: 80–83]. Недаром, представляя Голицыну свой доклад 4 апреля 1817 года, Уваров добавлял, что почитает «себя счастливым, что мог участвовать в основании и успехах заведения, долженствующего иметь столь благотворное влияние на народный дух и на образование того сильного, многочисленного, слишком часто страждущего класса народа, который мы обязаны посредством религии и лучшего познания самого себя примирять с судьбой и с обществом»¹⁸.

Проблема открытия «второго разряда» ГПИ

Однако судьба проекта «второго разряда» ГПИ оказалась незавидной. Он оказался невостребованным и вызвал подозрения в условиях реакции в сфере просвещения, заявившей о себе на рубеже 1810–1820-х годов. С назначением во главе министерства А. Н. Голицына состав ГПУ сильно изменился, причем, как писал американский историк Джеймс Флинн, в нем теперь заседали «ретрограды, желавшие отменить, а не поощрять первоначальный план реформ». Неудивительно, что проект Уварова встретил «ожесточенное сопротивление» [10: 484], прежде всего со стороны ректора Санкт-Петербургской духовной академии Филарета и ректора Санкт-Петербургской духовной семинарии Иннокентия, которых министр А. Н. Голицын незадолго до того, в феврале 1817 года, включил в состав ГПУ¹⁹. Они не только не видели смысла следовать либеральным принципам школьного законодательства 1803–1804 годов, но совершенно не понимали сути этих законов. Об этом говорит письмо Филарета Голицыну 26 апреля 1817 года, где он просил предоставить ему копии «Предварительных правил» 1803 года и университетского Устава 1804 года, «о которых часто упоминается в делах и которые он не видывал». Таким образом, Голицын включил в состав центрального органа МНП людей, которые были плохо знакомы с основными законодательными документами. Филарет «долгое время» продержал у себя проект Уварова, и, давая ему оценку, заявил, что «не видел света в сем хаосе»²⁰.

В результате, на заседании ГПУ 26 апреля 1817 года Филарет и Иннокентий выступили с «возражениями» [11: 119], точнее сказать, с пространной критикой проекта Уварова. Они заявили, что проект «второго разряда» есть не такой «лёгкий предмет, который бы вдруг можно было объять во всём его составе, отношениях и следствиях». Назвав «второй разряд» «чуждым членом» в сфере просвещения, они считали, что он неспособен выполнить поставленную перед ним задачу. «Если столь многие высшие училища не могли дать учителей низшим, то как может сие исполнить одно второе отделение института?» — сомневались они. По их мнению, вместо создания нового учреждения достаточно было бы «кажется подкрепить гимназии в исполнении обязанности, уже на них положенной. Сие также весьма сообразно с общей системой учебных заведений. Если университетам свойственно готовить учителей для гимназий, которые служат рассадником университетам, то также гимназиям свойственно снабжать учителями уездные и приходские училища, которые служат рассадником гимназиям». В качестве примера такой системы они приводили духовные семинарии, где «подобный опыт имеется», а «второй разряд» ГПИ характеризовали как нечто лишнее и ненужное²¹.

Отвергая реформу Уварова, Филарет и Иннокентий склонили общее мнение ГПУ к дополнительной экспертизе проекта. По этой причине обсуждение проекта «второго разряда» затянулось на несколько месяцев. Только 25 октября 1817 года устав «второго разряда» был утвержден Александром I²², причем с условием что предполагаемые Уваровым методы были употреблены только «предварительно» и «в малом числе», «единственно для усмотрения, могущих быть от того успехов», а также лишь по необходимости иметь рассадник для учителей по новому ланкастерскому методу, который предполагается здесь ввести по возвращении из Англии четырех студентов²³. Кроме того, значительно отодвигалась и реализация самого проекта. Вместо намеченного Уваровым времени открытия «второго разряда» ГПИ весной — летом 1817 года²⁴ в резолюции Комитета министров говорилось об открытии учебного заведения только 1 января 1819 года,

что и было утверждено императором²⁵. Отсрочка привела к тому, что формальное «утверждение» императором 25 октября 1817 года проекта не приблизило его практическое воплощение. Последний на протяжении последующих полутора лет проект существовал только на бумаге, на что обращал внимание исследователь Н. М. Аничков [2: 11].

Причиной отсрочки открытия «второго разряда» стала затянувшаяся поездка студентов, отправленных по распоряжению Уварова в Европу. Уваров изначально связывал открытие «второго разряда» с возможностью использования их как экспертов по методике взаимного обучения. По возвращении они должны были стать наставниками во «втором разряде» и обучать своих учеников всему, чему научились сами. Но из поездки в Англию в 1818 году, как первоначально планировалось, они не вернулись. Сам Уваров в представлении министру еще 31 марта 1817 года предложил отправить воспитанников после завершения поездки по Англии далее в Германию и Швейцарию, чтобы те смогли изучить иные методики преподавания и, сравнив их, использовать опыт, наилучший для России. С согласия императора командировка студентов в Европу была продлена еще на целый год. Причем опыт далеко не всех учебных заведений показался им полезным. Так, в донесении Штрэндмана Уварову в апреле 1818 года говорилось, что студенты ГПИ, «прибыв в Институт Ф. Э. фон Фелленберга в Швейцарии, не оказывают охоты к изучению в сем Институте, преподаваемых в оном предметов»²⁶. Наконец, 31 июля 1818 года было сделано повеление Александром I о возвращении студентов в Россию²⁷. Вернулись студенты только 25 сентября 1819 года, согласно донесению Н. И. Фуса, замещавшего тогда Уварова на должности попечителя²⁸. В службе они числились с 19 сентября 1819 года, будучи сразу представлены к чину 9-го класса, а также к орденам Св. Анны и Св. Владимира 3 и 4 степени соответственно²⁹.

Однако Уваров считал, что «второй разряд» может начать действовать и до возвращения командированных за границу будущих наставников, специалистов по ланкастерскому методу. 14 ноября 1817 года он сделал представление в ГПУ о том, чтобы не откладывать открытие «второго разряда». Попечитель писал: «Сия мера не терпит никакого отлагательства. Если предполагаемый разряд ГПИ должен взять своё начало с 1819 г., то прежде 1823 г. или 1824 г. мы не можем видеть плодов сего заведения; а между тем народные училища должны неминуемо опустеть и более и более приходить в упадок»³⁰. Уваров считал, что необходимо открыть «второй разряд» не позднее 1 января 1818 года, поскольку дело «не терпит отсрочки». ГПУ на своем заседании 14 ноября 1817 года приняло аргументы Уварова и призвало найти требуемые суммы денег, чтобы приступить к открытию «второго разряда»³¹, но на протяжении всего следующего года, вплоть до октября 1818 года, дело пролежало без движения. Открытие «второго разряда» все-таки было отложено или это дело попросту «блуждало» по бесконечным бюрократическим инстанциям еще целый год. Министерство финансов в своих решениях, вероятно, следовало распоряжению Комитета министров, поставившему датой открытия «второго разряда» 1 января 1819 года. Только в сентябре — октябре 1818 года началась переписка между Министерством финансов и Министерством народного просвещения о выделении средств на «второй разряд». Министр финансов Д. А. Гурьев заверил, что может выдать попечителю Уварову «столько сумм, сколько по его распоряжению и представлению окажется нужным»³².

Деятельность Учительского института в 1819–1822 годах

Формальное открытие «второго разряда» ГПИ состоялось во второй половине 1819 года уже под названием Учительского института. Согласно § 34 «Первоначального образования Санкт-Петербургского университета», основного учредительного документа нового университета, «второй разряд» должен был сохранять свое «отдельное образование» в ведомстве университета³³. То есть Учительский институт оставался подразделением Санкт-Петербургского университета и впоследствии, но под другим названием. При этом сама дата открытия Учительского института остается дискуссионной. Историк А. С. Воронов указывал, что Учительский институт открылся «не ранее, как в январе 1820 г.»³⁴. Можно предполагать, что здесь речь идет о формальной церемонии открытия, совпавшей с началом нового учебного года. Историк Третьей Санкт-петербургской

гимназии Н. М. Аничков утверждал, что датой открытия следует считать 19 сентября 1819 года, поскольку так значится в брошюре «Двадцатипятилетний юбилей III-й Санкт-Петербургской гимназии», которую составляли участники событий, те самые первые преподаватели Учительского института Ф. И. Буссе (впоследствии директор Третьей гимназии) и преподаватель К. Ф. Свенске [2: 11]. Вероятно, первые наставники Учительского института имели в виду не формальное его открытие, а начало занятий с воспитанниками. Так или иначе, датой формального открытия института можно считать 14 января 1820 года³⁵, день торжественного учредительного акта нового учебного заведения, когда по принятой традиции было напечатано и «известие» об этом событии для публики. Экземпляры печатного «известия» об открытии Учительского института через неделю после события были разосланы Уваровым директорам училищ Архангельской, Новгородской, Псковской и других губерний³⁶.

25 сентября 1819 года в докладе о возвращении из Англии четырех студентов и. о. попечителя Фус замечал, что «открытие Учительского института ещё не так скоро воспоследует»³⁷. Но, как видно, практическое обучение воспитанников Учительского института могло начаться уже осенью 1819 года. В пользу этого свидетельствуют прошедшие в сентябре — октябре 1819 года вступительные испытания, также создавшие определенные сложности. Укомплектовать штат воспитанников Учительского института детьми самих учителей, как планировалось по проекту Уварова, оказалось непросто. Таковых, согласно донесению Н. И. Фуса Голицыну от 1 октября 1819 года, «нашлось до семнадцати человек»³⁸, а оставшиеся 13 вакансий были заполнены за счет «посторонних», которых, наоборот, явилось много³⁹. Однако из числа «посторонних» лишь немногие могли выдержать вступительные испытания за курс начальной школы. В «Известии об открытии Учительского института» говорилось о принятии лишь 29 воспитанников, то есть еще одна вакансия сохранялась⁴⁰.

Есть известия о внутреннем распорядке Учительского института и программах обучения. Размещался институт в доме митрополита римско-католических церквей в России Станислава Сестренцевича-Богуша: на Мещанской улице (ныне — Казанская), дом 63 («2-й от угла со стороны Гороховой») [2: 11]. Вернувшиеся из Англии студенты Буссе, Свенске и Ободовский заняли вакансии в институте. Впоследствии они стали известными педагогами, авторами сочинений по дидактике, методике преподавания (в том числе в школах взаимного обучения), учебников для уездных и начальных училищ по арифметике (Ф. И. Буссе), всеобщей географии (А. И. Ободовский), всеобщей истории и русской грамматике (М. М. Тимаев) [12: 404].

Преподавать Закон Божий в Учительском институте был приглашен протоиерей Г. И. Мансветов, чистописание преподавал К. Ф. Энгельбах, рисование — Ф. К. Редер⁴¹. Курс учения был четырехгодичным с пятью занятиями каждый день, с понедельника по субботу, с применением методик взаимного обучения, которые освоили командированные в Европу питомцы ПИ, ставшие, в свою очередь, наставниками юношей в Учительском институте. День воспитанников начинался и заканчивался общей молитвой, а по утрам в течение получаса законоучитель читал воспитанникам Новый Завет. В свободное от занятий время воспитанники рисовали с натуры, читали книги религиозного и научного содержания, переплетали книги под руководством переплетного мастера Бюллера [2: 12–17].

Заключение

Однако Учительскому институту было суждено просуществовать всего около двух лет. На его судьбе отразилась общественно-политическая обстановка той эпохи. Учительский институт мог эффективно работать до тех пор, пока Уваров был попечителем и курировал его в соответствии с им же написанным проектом «второго разряда» ГПИ, о котором говорилось выше. Попечитель утверждал программы преподавания, назначал чиновников, учителей и т. д.⁴² После отставки Уварова с должности попечителя, которая произошла летом 1821 года, положение Учительского института осложнилось. С момента своего открытия он стал объектом постоянной критики со стороны консервативно настроенных приближенных А. Н. Голицына — М. Л. Магницкого, Д. П. Рунича и архимандрита Филарета. Они критиковали программу обучения в Учительском институте, пребывание в нем разночинцев на казенном содержании, обязанность оставаться на службе в учебном ведомстве после окончания обучения, а также сам ланкастерский метод.

Главный оппонент Уварова тех лет М. Л. Магницкий еще в начале 1821 года начал атаку против Учительского института. В представленном Магницким отчете об обозрении Учительского института проглядывалась мысль о ненужности этого учебного заведения, которое Магницкий описывал, как «не имевшее определённого начала», где нет «ни заседаний, ни ведётся делам своим журналов, а всё управление... ведётся по общему согласию с воспитателями». Он уверял, что в Учительском институте «ни учения веры, ни нравственная философия не поставлены началом воспитания, Евангелие воспитанникам не читается»⁴³, и призывал закрыть Учительский институт по причине его «явного вреда». Затем он поставил под подозрение и сам ланкастерский метод, охарактеризовав его как «выдумку и пропаганду квакерской секты, никуда для нас негодную и даже вредную»⁴⁴.

Уваров в личном письме Голицыну от 12 января 1821 года попытался оспорить резкие отзывы Магницкого, встав на защиту Учительского института. Попечитель просил министра не торопиться с выводами, а лично провести инспекцию и присутствовать на экзаменах в институте, чтобы убедиться в хорошем состоянии этого учебного заведения и познаниях воспитанников. Обвинения против Учительского института он объяснял недоброжелательностью оппонента в отношении его самого и был готов отвечать за свои действия. «Прошу... принять в уважение, что я теперь или позже, равным образом ничего не требую и ничего не ожидаю, [кроме] как беспристрастного и открытого исследования моих действий по всему кругу моей деятельности в службе», — писал Уваров министру 12 января 1821 года⁴⁵. Однако Голицын и ГПУ в целом приняли позицию Магницкого. Руководство министерства потребовало «в отвращение вреда» приостановить и запретить в Учительском институте лекции, в том числе по ланкастерскому методу⁴⁶.

Спустя год — 12 марта 1822 года — Д. П. Рунич, занявший после Уварова должность попечителя, довершил начатое и окончательно закрыл «совершенно бесполезный»⁴⁷, по его мнению, Учительский институт, слив его с Третьей Санкт-Петербургской гимназией⁴⁸. Воспитанники упраздненного Учительского института оказались в числе гимназистов, продолжая учиться за казенный счет⁴⁹. В итоге, деятельность Учительского института оказалась кратковременной, она плохо документирована и мало изучена, хотя может быть интерпретирована как поворотный эпизод в истории реформ народного образования. Учительский институт не сделал ни одного выпуска и не достиг тех целей, какие перед ним намечал Уваров.

Ланкастерский метод, который рассматривался как удобный и малозатратный способ распространить в России грамотность, получил лишь ограниченное применение. В условиях наступления реакции на рубеже 1810–1820-х годов, вызванной боязнью европейских революций [11: 90], выступлением в 1820 году Семёновского полка, последовал отказ властей от европейских образовательных практик и закрытие учебных заведений, их использовавших. После закрытия Учительского института по ланкастерскому методу вплоть до 1830-х годов работали некоторые училища, подчиненные МНП, и солдатские школы, находившиеся в ведении Военного министерства [13]. Но нехватка учителей надолго затормозила развитие системы начальных училищ в России.

Примечания

¹ Сборник постановлений по Министерству народного просвещения / Россия. М-во народ. просвещения. 2-е изд. СПб.: Тип. В. С. Балашева, 1875–1876. Т. 1: Царствование императора Александра I. 1802–1825 [год]. 1875. Стб. 19.

² Там же. Стб. 332, 352.

³ Воронов А. С. Историко-статистическое обозрение учебных заведений С.-Петербургского учебного округа с 1715 по 1828 год включительно / сост. по поручению г. попечителя С.-Петерб. учеб. окр. т. с. М. Н. Мусина-Пушкина. Санкт-Петербург: тип. Я. Трея, 1849. С. 282.

⁴ РГИА. Ф. 733. Оп. 20. Д. 174. Дело о командировании в Англию студентов главного Педагогического института М. Тимаева, Ф. Буссе, К. Свенске и А. Обадовского для изучения метода Ланкастера. 26 мая 1816 г. — 29 сентября 1824 г. Л. 6–8.

⁵ Там же. Л. 10, 15–16.

⁶ Там же. Л. 17–18.

⁷ Там же. Л. 94.

- ⁸ Там же. Л. 98.
- ⁹ Там же. Л. 34.
- ¹⁰ Там же. Л. 49–50.
- ¹¹ Там же. Л. 50–51.
- ¹² Филолог и ординарный профессор Московского университета И. И. Давыдов вспоминал, как Уваров «радовался, что учёные из природных русских, обогащённые современными знаниями, распространяют их живительный свет на отечественном языке» (Давыдов И. И. Воспоминание о графе С. С. Уварове // Ученые записки Второго отделения Императорской Академии наук. В 7-ми кн. Кн. 2. СПб., 1856. Вып. 1. С. СXXXV).
- ¹³ Сборник постановлений по Министерству народного просвещения... 1875. Стб. 915–959.
- ¹⁴ РГИА. Ф. 733. Оп. 20. Д. 174. Л. 51.
- ¹⁵ Там же.
- ¹⁶ РГИА. Ф. 733. Оп. 20. Д. 183. Дела об организации в составе Главного педагогического института второго разряда для подготовки учителей народных училищ, о критических замечаниях комитета для училищ взаимного обучения по поводу метода преподавания в Учительском институте при Петербургском университете. 6 апреля 1817 г. — 24 января 1821 г. Л. 23–24.
- ¹⁷ Там же. Л. 1–3.
- ¹⁸ Там же. Л. 24.
- ¹⁹ РГИА. Ф. 732. Оп. 1. Д. 16. Журналы по главному правлению училищ за 1817 год. Л. 68.
- ²⁰ РГИА. Ф. 733. Оп. 20. Д. 183. Л. 10.
- ²¹ РГИА. Ф. 732. Оп. 1. Д. 16. Л. 110–112.
- ²² Сборник постановлений по Министерству народного просвещения... 1875. Стб. 1097–1108.
- ²³ РГИА. Ф. 732. Оп. 1. Д. 16. Л. 113.
- ²⁴ РГИА. Ф. 733. Оп. 20. Д. 183. Л. 11.
- ²⁵ Там же. Л. 54.
- ²⁶ Там же. Л. 112.
- ²⁷ РГИА. Ф. 733. Оп. 20. Д. 174. Л. 152.
- ²⁸ Там же. Л. 160.
- ²⁹ С.-Петербургский университет в первое столетие его деятельности. 1819–1919. Материалы по истории С.-Петербургского университета. Т. 1. 1819–1835. Ред. С. В. Рождественского. Пг., 1919. С. 433.
- ³⁰ РГИА. Ф. 733. Оп. 20. Д. 183. Л. 70–73.
- ³¹ Там же. Л. 78.
- ³² Там же. Л. 81.
- ³³ С.-Петербургский университет в первое столетие... Материалы... С. 12.
- ³⁴ Воронов А. С. Историко-статистическое обозрение... С. 120.
- ³⁵ РГИА. Ф. 733. Оп. 20. Д. 183. Л. 149.
- ³⁶ ЦГИА СПб. Ф. 139. Оп. 1. Д. 2354. Отношение попечителя с представлением экземпляров об открытии учительского института при здешнем университете. Л. 1–5.
- ³⁷ РГИА. Ф. 733. Оп. 20. Д. 174. Л. 160.
- ³⁸ РГИА. Ф. 733. Оп. 20. Д. 183. Л. 95.
- ³⁹ Там же. Л. 97.
- ⁴⁰ Там же. Л. 141 об.
- ⁴¹ Там же. Л. 141.
- ⁴² Там же. Л. 3–5.
- ⁴³ Там же. Л. 150–151.
- ⁴⁴ РО ИРЛИ РАН. Ф. 263 (Д. П. Рунич). Оп. 3. Д. 42. Д. П. Рунич. Мнение и докладная записка его о ланкастерских методах. Л. 22.
- ⁴⁵ РГИА. Ф. 733. Оп. 20. Д. 183. Л. 129.
- ⁴⁶ Там же. Л. 151.
- ⁴⁷ Сборник постановлений по Министерству народного просвещения... 1875. Стб. 1632.
- ⁴⁸ Воронов А. С. Историко-статистическое обозрение... С. 120.
- ⁴⁹ Сборник постановлений по Министерству народного просвещения... 1875. Стб. 1658.

Список сокращений

ГПИ — Главный педагогический институт

ГПУ — Главное правление училищ

ИРЛИ РО — Рукописный отдел Института русской литературы Российской академии наук

МНП — Министерство народного просвещения

ПИ — Педагогический институт

РГИА — Российский государственный исторический архив

ЦГИА СПб — Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга??

Список источников

1. Жуковская Т. Н. Стипендиаты российских университетов в Европе в 1800–1810-х гг. (по письмам и дневникам) // Запад-Восток. Научно-практический ежегодник. Вып. 9. Йошкар-Ола, 2016. С. 59–95.
2. Аничков Н. М. Историческая записка пятидесятилетия Третьей Санкт-Петербургской гимназии. СПб., 1873. 153 с.
3. Герцен А. И. Собрание сочинений в 30 томах / АН СССР. Институт мировой литературы им. А. М. Горького; гл. ред. В. П. Волгин и др. Т. 20. Кн. 1: Произведения 1867–1869 годов; Дневниковые записи / ред.: З. Смирнова и И. Г. Птушкина; подготовка текста и пер. статей с франц. Л. Р. Ланского. М. 1960. 505 с.
4. Flynn James T. The University Reform of Tsar Alexander I, 1802–1835 / Washington, D.C.: Catholic University of America Press, 1988. 283 p.
5. Сысоева Е. К. Школа в России. XVIII — начало XX вв.: власть и общество / Е. К. Сысоева. М.: Новый хронограф, 2015. 512 с.
6. Плетнев П. А. Первое двадцатипятилетие Императорского университета. СПб., 1844. 128 с.
7. Калинина Е. А. Система народного просвещения на Европейском Севере России в первой половине XIX века / Е. А. Калинина. М.: Новый хронограф, 2017. 736 с.
8. Петров Ф. А. Российские университеты в первой половине XIX века. Формирование системы университетского образования: в 4 кн. / Ф. А. Петров; Гос. ист. музей. М.: Гос. исторический музей, 1998. Кн. 2, ч. 2: Становление системы университетского образования в России в первые десятилетия XIX века. Ч. 2. 1998. 388 с.
9. Виттекер Ц. Х. Граф Сергей Семенович Уваров и его время. СПб.: Академический проспект, 1999. 350 с.
10. James T. Flynn. S. S. Uvarov's "Liberal" Years // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas, Neue Folge, Bd. 20, H. 4 (DEZEMBER 1972). Pp. 481–491.
11. Шмид Е. К. История средних учебных заведений в России. СПб.: Типография В. С. Балашева, 1878. 683 с.
12. Жуковская Т. Н., Казакова К. С. Anima universitatis: студенчество Петербургского университета в первой половине XIX века. М.: Новый хронограф, 2018. 576 с.
13. Жуковская Т. Н., Калинина Е. А. Проблема подготовки народных учителей и распространение ланкастерского метода в 1810–1830-х гг.: мат-лы III Всерос. науч. конф. «Некрасовские чтения» (памяти доктора исторических наук профессора Ю.К. Некрасова) (Вологда, 19–20 мая 2017 г.). 2017. С. 120–124.

References

1. Zhukovskaya T. N. Stipendiaty rossijskih universitetov v Evrope v 1800-1810-h gg. (po pis'mam i dnevnikam) [Fellows of Russian universities in Europe in the 1800s-1810s (based on letters and diaries)]. *Zapad-Vostok. Nauchno-prakticheskij ezhegodnik* [West-East. Scientific and practical yearbook], 2016, no 9, pp. 59–95. (In Russ.).
2. Anichkov N. M. *Istoricheskaya zapiska pyatidesyatiletiya Tret'ej Sankt-Peterburgskoj gimnazii* [Historical note of the fiftieth anniversary of the Third St. Petersburg Gymnasium]. Saint Petersburg, 1873, 153 p. (In Russ.).

3. Gercen A. I. *Sobranie sochinenij*: V 30 tomah. T. 20. Kn. 1: Proizvedeniya 1867–1869 godov; Dnevnikovye zapisi [Collected works: In 30 volumes. Vol. 20. Book 1: Works of 1867–1869; Diary entries]. Moscow, Institut mirovoj literatury im. A. M. Gor'kogo, 1960, 505 p. (In Russ.).
4. Flynn James T. The University Reform of Tsar Alexander I, 1802–1835 / Washington, D.C.: Catholic University of America Press, 1988. 283 p.
5. Sysoeva E. K. *Shkola v Rossii. XVIII — nachalo XX vv.: vlast' i obshchestvo* [A school in Russia. XVIII – early XX centuries: power and society]. M.: Novyj hronograf, 2015, 512 p. (In Russ.).
6. Pletnev P. A. *Pervoe dvadcatipyatiletie Imperatorskogo universiteta* [The first twenty-fifth anniversary of the Imperial University]. Saint Petersburg, 1844, 128 p. (In Russ.).
7. Kalinina E. A. *Sistema narodnogo prosveshcheniya na Evropejskom Severe Rossii v pervoj polovine XIX veka* [The system of public education in the European North of Russia in the first half of the XIX century]. Moscow, Novyj hronograf, 2017, 736 p. (In Russ.).
8. Petrov F. A. *Rossijskie universitety` v pervoj polovine XIX veka. Formirovanie sistemy` universitetskogo obrazovaniya: v 4 kn. Kn. 2, ch. 2: Stanovlenie sistemy` universitetskogo obrazovaniya v Rossii v pervy`e desyatiletija XIX veka* [Russian universities in the first half of the XIX century. Formation of the university education system: in 4 books. Book 2, part 3: The formation of the university education system in Russia in the first decades of the XIX century]. Moscow, 1998, 388 p. (In Russ.).
9. Whittaker C. *Graf Sergey Semyonovich Uvarov i ego vremya* [Count S. S. Uvarov and his time]. Saint Petersburg, Akademicheskij proekt, 1999, 352 p. (In Russ.).
10. James T. Flynn. S. S. Uvarov's "Liberal" Years. *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas, Neue Folge*, Bd. 20, H. 4 (DEZEMBER 1972), Pp. 481–491.
11. Shmid E. K. *Istorija srednih uchebnyh zavedenij v Rossii* [History of secondary educational institutions in Russia]. Saint Peterburg, Tip. V. S. Balasheva, 1878, 683 p. (In Russ.).
12. Zhukovskaya T. N., Kazakova K. S. *Anima universitatis: studenchestvo Peterburgskogo universiteta v pervoj polovine XIX veka* [Anima universitatis: students of St. Petersburg University in the first half of the XIX century]. Moscow, Novyj hronograf, 2018, 576 p. (In Russ.).
13. Zhukovskaya T. N., Kalinina E. A. Problema podgotovki narodnyh uchitelej i rasprostranenie lankasterskogo metoda v 1810–1830-h gg. [The problem of training national teachers and the spread of the Lancastrian method in the 1810s and 1830s.]. *Materialy III Vserossijskoj nauchnoj konferencii "Nekrasovskie chteniya" (pamyati doktora istoricheskikh nauk professora YU. K. Nekrasova) (g. Vologda, 19–20 maya 2017 g.)* [Materials of the III All-Russian scientific conference "Nekrasov readings" (in memory of Doctor of Historical Sciences, Professor Yu.K. Nekrasov) May 19–20, 2017]. Vologda, 2017, pp. 120–124. (In Russ.).

Информация об авторе

И. С. Пустовойт — аспирант.

Information about the author

I. S. Pustovoit — postgraduate student

Статья поступила в редакцию 13.09.2024; одобрена после рецензирования 16.09.2024; принята к публикации 23.09.2024.
The article was submitted 13.09.2024; approved after reviewing 16.09.2024; accepted for publication 23.09.2024.